

Правило I СМОТРИНЫ

Образец письма с предложением руки.

«Дорогая моя Н.И.!

Простите мне, что я просто начинаю свое послание к Вам, но мои намерения дают на это право. С тех пор как я увидел Вас, страдаю бессонницей, лишен аппетита и одна мысль преследует меня. Эта мысль — законный брак и назвать Вас своею. Любя Вас как первую девушку в мире, я нахожу, что по моему характеру это будет последняя моя любовь. Кажется, одна могила заставит разлюбить Вас. Моя страсть беспредельна! Чувства любви всецело овладели мною. Ясно вижу, что так любить можно однажды в жизни.

Желание видеть Вас подругой жизни подавило во мне все прочее: я оставил все прочие свои желания и помышления на втором плане. Вам хотя известно, что мои средства невелики, что я не обладаю капиталами, но имею все, что нужно, чтобы жить безбедно, и если не окружают нас предметы прихоти богатых людей, зато мы будем иметь все необходимое в жизни.

Прекрасная моя Н.И., жду от Вас единственного «да!», столь много значащего для меня, и тогда узы святой и вечной любви соединят нас навеки. Ваше «нет!» будет для ме-

ня ударом, который оставит рану в сердце, неизлечимую навеки.

Любящий Вас и надеющийся на согласие Ваше Ф.П.А.»

«Полный письмовник и советы молодым людям, как безошибочно делать выбор невесты и быть счастливым в супружеской жизни». Составил И. К-в. М., 1897.

27 февраля 1894 года¹

* * *

Кабы знать, что такое случится... И ведь день-то какой был: Масленица, праздник, гулянье широкое и раздольное.

Федор Козьмич, глава семейства и фирмы, традиции купеческие чтит. С утренней службы возвратился, а стол уже ломится от блинов, рыбы, икры, солений, грибов, настоек и вин. С каждым расцеловался, прощения попросил за «прегрешения вольные и невольные», никого не пропустил. Первым за стол сел, за ним остальные последовали: жена Авива Капитоновна, дочери Астра и Гая Федоровны, компаньонка их Василиса, управляющий фирмы Курдюмов с сыном Ардалеоном, сваха Капустина, граф Урсегов с другом, Меморский, нотариус семьи. Не было разве младшего брата, Дмитрия Козьмича, который в дальнее путешествие отбыл. Да место по левую руку от Федора Козьмича пустовало.

Вроде веселись да радуйся, ешь и пей в свое удовольствие, сколько душа желает. Да только невесел что-то Федор Козьмич. Ни с кем не разговаривал, блинов себе накладывал. С икрой паюсной, с икрой красной, с икрой щучьей, севрюгой, со снетком, с осетриной да прочим

¹ Все даты по старому стилю. По новому стилю 12 марта.

рыбным. Сверху маслом чухонским поливал, сметаной сдабривал да лучком жареным, да солеными опятами. Такое изумление на тарелке случалось, что не каждому осилить. Он, и глазом не моргнув, проглотит да за новый блин принимается. Ел жадно, как в последний раз. Авива Капитоновна поглядывала да вздыхала. Федору Козьмичу все нипочем. Такой организм всеильный, что корову поглотит.

Известно, что на Масленицу Федор Козьмич позволял себе излишество. Великий пост для него был в тягость, так что ел, сколько мог. Но в этот раз, кажется, превзошел самого себя. Гора блинов, что перед ним выставили, растаяла, а ему и дела нет. Знай запивает квасом и ни с кем и словом не обмолвился. Даже на графа-приятеля не глядит. Сидит хмурый, челюстями молотит.

Разговор застольный начался, но вскоре сник, всяк на хозяина поглядывает, меж собой шепчутся: что за странность происходит, как бы дурно Федору Козьмичу не стало. Да только смельчаков не нашлось, чтобы замечание сделать. На что графу вольности дозволялись, так и он не посмел, папироской дымит. А Федор Козьмич знай себе блин начинкой сдабривает.

Тут случился конфуз: издал он утробный глас, за какой со стыда сгоришь. А ему хоть бы что. Промокнул губы салфеткой, встал из-за стола и направился к буфету, что со времен отца его стоял в столовой зале. Дверцу резную своим ключиком открыл, графинчик хрустальный достал, к которому никто прикасаться не смел, налил полную рюмку и в рот опрокинул. Поморщился, вздохнул тяжко.

— Ох, горькая, как жизнь моя, — сказал да дверцу запер.

И такому могучему организму подмога требуется: Федор Козьмич пользовал травную настойку семейного рецепта для улучшения пищеварения, что дед его пил и прадед. Он традицию чтит не без пользы для аппетита. За

стол вернулся, принялся за блины. Новую горку к себе придвинул. Сколько съел, никто не считал. Да только вдруг схватился за грудь, будто воздуха не хватает, захрипел, вздрогнул, как от озноба, и повалился на пол.

Началась суматоха, бросились помогать. Галстук растегнули, ворот распахнули, в лицо холодной водой брызнули. Авива Капитоновна послала за доктором. Мужчины вчетвером подняли Федора Козьмича, на диван перенесли. Он дышит хрипло, говорит, чтоб его оставили в покое — уже отпускает, тепло и хорошо ему. Кто же посмеет возразить? Федор Козьмич вроде как дышать стал тише, глаза закрыл и, кажется, заснул. Наверное, в себя по-маленьку приходит.

Доктор прибыл шустро — как иначе, когда пациент известный, платит за визит щедро. Проверил пульс, посмотрел зрачки и сообщил: господин Бабанов скончался. Ничем помочь нельзя.

Тут помощь Авиве Капитоновне понадобилась: супруга, вдова уже то есть, в обморок упала. Доктор ее в чувства привел и разъяснения сделал: смерть Федора Козьмича самая заурядная, от непомерного объедания и чрезмерной нагрузки на сердце для такого размера тела и неюного возраста. На Масленице в Москве подобные кончины от объедания случаются по десятку на день. Иной раз успевают спасти, а чаще печальный конец. Приставу полицейского участка сообщить следует, а он составит заключение о кончине по естественным причинам. Комплекция Федора Козьмича мощная, купеческая, от отца доставшаяся, стала виной его гибели.

Нельзя объедаться, опасно для жизни. Блинами в особенности. Ну, что тут поделать... Такая вот жертва Масленице приключилась.

Федора Козьмича похоронили на старом Даниловском кладбище, завещание в положенный срок огласили, в ко-

тором никаких сюрпризов не открылось, да и стали жить. Жизнь — она свое берет, особенно когда в доме дочка на выданье.

А недели через две, когда слезы высохли, Василиса в гостиной убиралась, веником из-под буфета сор выметала. Махнула, и выкатился пузырек аптечного стекла. Внутри крошки белые виднеются, наверняка из хозяйских лекарств. Попользовали и забыли. Василиса пузырек на буфет поставила и пошла себе дальше мести...

23 апреля 1894 года¹

* * *

Какая чудовищная ошибка... Как же она сразу не догадалась, что эта свадьба — катастрофа. Нет, не катастрофа: расплата за все, что натворила в недавнем прошлом. Расплата случится обязательно, неважно когда: через месяц, полгода или год. Не может не случиться. Сама залезла в петлю и тащит за собой ни в чем неповинного человека. Который, к несчастью, любит ее «больше жизни». Мысли терзали, как рукастый палач. Картины одна гаже другой мелькали перед глазами. И не было от них спасения...

Отъехав от Москвы, она вдруг осознала, какую неправимую глупость совершила. А расплачиваться придется вместе. Она вертелась на мягких подушках купе I класса, выкупленного для нее одной². Через стену, в соседнем купе, спал он. Мерно сопел под перестук вагонных колес. Богатый, красивый, молодой жених вез в столицу невесту,

¹ По новому стилю 6 мая.

² Мадемуазель едет в «малом» купе I класса, с одним диваном и двумя спальными местами. Стоимость одного места с включением государственного сбора: 23 рублей 75 коп. За купе было заплачено 47 рублей 50 коп.

чтобы получить формальное благословение родителей. Он спал сном счастливого человека, которого неприятности обходят стороной. Ну разве приличия запрещали ехать с невестой в одном купе. В остальном счастье его было незыблемым...

Спит и не знает, что счастье это не прочней карточного домика...

Отпыхтев восемьдесят верст¹, поезд подходил к Клину, до Петербурга ехать целый день. Ткнув локтем подушку, она уселась и стала смотреть в окно, подперев щеку кулачком. Мимо проплывали весенние перелески в свежей зелени. Светило праздничное солнце Пасхи, день был напоенный радостью. Не хватало розовощеких амурчиков, которые кружили бы на стрекозиных крылышках.

Счастье, о котором мечтает каждая девушка, пришло к ней: богатая свадьба в столице империи, роскошное платье, венчание в Казанском соборе, собственный дом с прислугой, дача в Гатчине, любящий муж. О чем еще мечтать? Особенно в ее годы, когда на таких засидевшихся женятся только старики или ненормальные. Двадцать шесть лет для девушки как приговор. Дальше куковать старой девой с мотком пряжи и кошками.

Рулетка судьбы подарила выигрыш. Стоит взять его — обожжешь руки. Она обладала достаточно ясным воображением, чтобы догадаться, пусть с опозданием, что случится после свадьбы, когда заживет с молодым мужем в полной любви. Ладно, пусть он ее любит безмерно. Умной женщине изобразить нежные чувства просто, как выпить стакан лимонада.

Что же случится? Ну вот, живут они с супругом в согласии, как вдруг в дом наведывается гость, скажем, старинный друг мужа. Гость знакомится с молодой женой, и

¹ 80 верст = 85 километров.

что-то в ней кажется знакомым. Присматривается, но не может вспомнить, где ее видел. Прическа, платье и семейная жизнь делают женщину неузнаваемой. Однако гость уверен, что встречал эту красивую женщину. Он вежливо спрашивает, не были ли они знакомы прежде. Она отвечает, что не имела удовольствия. Гость из вежливости не спорит. Спорить с дамами не принято. И бесполезно.

Проведя приятный вечер и на прощанье поцеловав руку хозяйки, гость уезжает. Дома его осеняет, где он видел ее. Откровение, как удар колокола: ну конечно, в Москве (или в Нижнем, или Киеве, или Саратове) эта красotka выудила у него портмоне со всей наличностью и бриллиантовый перстень вдобавок! Да как выудила! Соблазнила легкой победой, завела в номер гостиницы, заставила лечь в постель в ожидании ласк и сбежала, обобрав до нитки...

Поначалу добрый друг не верит в открытие. Но, припомнив некоторые детали той незабываемой встречи (хорошо, что супруга о ней ничего не узнала), окончательно убеждается, что под новой прической и платьем скрывается ловкая воровка. О своей догадке, смущаясь и принося извинения, друг рассказывает мужу Агаты. Муж, конечно, рассержен: супруга вне подозрений. Тем более его жена в девичестве — баронесса фон Шталь, а вовсе не какая-то мадемуазель Жази или Жари, как уверяет друг. Быть может, рассердившись, муж разрывает отношения со старинным другом, грозя дуэлью, если тот посмеет сеять сплетни, но... Но подозрения имеют свойство разрастаться.

Первый раз семейное счастье, наверное, устоит. Только трещинки сомнений появятся... А потом непременно объявится другой знакомый или приятель, который узнает в замужней женщине воровку, заманчиво и дерзко обокравшую его. Ничего удивительного: многовато состоятельных мужчин жаждали получить от нее любовь и ласки, но остались ни с чем. Пойдет слух, разговоры,

которые не удержишь. В Петербурге умеют сплетничать. И тут картонное счастье сгорит папиросной бумажкой. Позор для супругов, муки развода...

Даже если повезет и пройдут годы, прежде чем некрасивая тайна откроется, мысль об этом будет медленно отравлять. Отравит уже первые мгновения свадьбы, когда молодые подойдут к гостям для поздравлений.

А если это случится уже на свадьбе? Если среди гостей окажется обиженный господин...

Как поступить ей теперь? Молчать, надеясь, что пронесет? Или пойти на выгодный риск: признаться сейчас, пока не поздно? Она не могла решиться ни на что...

Поезд пошел медленно, совсем тихо и вскоре остановился. В окне показался вокзальный павильон с широкими окнами и колоннами, подпиравшими крышу. По вагону прошел кондуктор, объявляя, что в Клину стоянка будет короткой: пятнадцать минут.

В окно купе виднелся вокзальный буфет. На столике перед ней красовались ваза с фруктами, блюдо с холодными закусками и хрустальные графинчики, сверкавшие легкими винами. Назло угощению от жениха, заказанному в дорогу, ей захотелось простого лимонада. Прислонив ухо к стенке и убедившись, что жених безмятежно сопит, она вышла из вагона.

Появиться даме без сопровождения в вокзальном буфете — вызывающе неприлично. Официанты косились. Клинский буфетчик был столь либерален, что не отказал одинокой даме в бокале оранжада. Мадемуазель села спиной к вагону, разглядывая через окна привокзальные строения. Ее столик отделяла ширма цветастого шелка, без чего нельзя представить провинциальный шик. Оглянувшись, она отметила пару мужских силуэтов на рисунках ширмы. И невольно прислушалась к чужому разговору, что простительно даме, скупающей с оранжадом.

— Ну, так как же теперь? — спросил мужской голос, прихлебнув из пивной кружки.

— А что такое? — ответил собеседник, выпуская папиросный дым.

— Так ведь конец нашей затее...

— С чего ты взял?

— Ну как же, у всех свадьбы, — сказал первый, звякнув кружкой об стол

— Э, брат, — его спутник закашлялся. — Какие пустяки... Наш клуб веселых холостяков такой ерундой не сломить...

— Полагаешь?

— Не только полагаю, делом докажем...

— Это как?

— Прихлопнем невест, как надоедливых мух, — плохо различимый господин легонько шлепнул по столу. — И останется от них мокрое место. Раздавим, как букашек...

— Ишь ты, — не без интереса сказал его спутник. — А граф не будет возражать?

— Да что ты! Граф наш только рад будет... У него когда свадьба?

— В конце следующей недели...

— Ну вот, с нее и начнем. Накажем невесту графа... А там за остальных возьмемся.

— И то правильно... Давно пора их, понимаешь, вот эдак...

На рисунке ширмы взметнулась тень кулака. Забыв про оранжад, мадемуазель слушала, боясь выдать себя.

— Прочим так, чтоб остальным неповадно было, — сказал второй, давя папиросу в пепельнице. — Надолго запомнят... В прах земной сотрем... А то взяли манеру: невесты, свадьбы, все с ума посходили... И матушку Гусыню не пощадим, свое получит сполна, змеюка... Вот тут наша затея и прогремит на всю Москву и Рассею... Ну, пойдем, а то опоздаем...

Зашаркали стулья. Тени на шелке исчезли.

Выглянув из-за ширмы, мадемуазель увидела удаляющиеся спины в светлых, уже летних костюмах и шляпы, сдвинутые на затылок. Заговорщики шли на второй путь к поезду на Москву.

Ничем не примечательные господа. Замышляют убийства. В этом нет сомнений. Она слишком хорошо изучила примитивный животный механизм — мужчину. Известный тип мрачных ненавистников женщин, для которых чужая свадьба хуже своих похорон. Сами не женятся и другим не дают. Ленивые сычи, отравляющие жизнь брюзжанием. Но эта парочка явно способна на поступок. Клуб веселых холостяков завели, значит... Нет, шайка точно планирует дерзкие преступления. Мелкими пакостями дело не ограничится.

Станционный колокол ударил три раза. Кондуктор петербургского поезда крикнул из тамбура, что состав отправляется.

На следующей станции послать телеграмму в Москву? Господин Эфенбах, начальник Московского сыска, пожалуй, выскажется по-своему о женских страхах. На господина Пушкина надеяться нечего. Не человек он, а бесчувственная глыба льда... Что блестяще доказал...

Да и что сообщать? Не известны ни имена, ни чины, ни приметы убийц, даже цвет волос и примерный возраст... Дружки какого-то графа. Какой в этом толк! Графов в Москве, что галок у Кремля...

Паровоз дал прощальный гудок.

Поезд сейчас тронется, только успеть добежать до вагона.

Сомневаться нельзя.

Глотнув оранжад для храбрости, она побежала. На бегу попросила прощения у жениха за то, что не найдет невесту, когда проснется. За то, что ломает карточный домик

его счастья. Так будет лучше для обоих. Он еще отыщет достойную жену.

Толкнув опешившего кондуктора вагона II класса, мадемуазель прыгнула на подножку, тяжело дыша и улыбаясь. Семейное счастье не для нее. Ей не суждено выйти замуж, так будет спасать московских невест, чем рассчитается за прошлые грехи.

В тамбур ударил встречный ветер.

Держась за поручни, она проводила взглядом поезд, увозивший в Петербург жениха и багаж. Безрассудный поступок лишил всех вещей. Нет даже сменного платья. Сущий пустяк по сравнению с кошмаром, от которого она сбежала. К тому же не все так плохо: с ней шелковая сумочка. Опыт, который она усвоила благодаря карьере великой воровки, гласил: будь готова к неприятностям, королева брильянтов, в любом случае рассчитывай только на себя...

Случай настал...

25 апреля 1894 года

Начиная с Рождества каждая незамужняя девица Москвы считает дни в «Русском календаре»¹. Интересует ее не приход весны или лета, посев пшеницы или возвращение перелетных птиц, начало охотничьего сезона или рыбной ловли. С замиранием сердца она ждет, когда же наступит самое замечательное, если не сказать волшебное время, которое в народе именуется Красной горкой.

Начинается Красная горка с первого воскресенья после Пасхи и длится до Недели Всех Святых после Троицы. В эти дни каждая незамужняя девушка мечтает о браке, а

¹ Ежегодный справочник разнообразных полезных в жизни знаний, издаваемый Сувориным, включал табель-календарь на год с указанием постов и праздников.